

КНИГА ПЕРВАЯ

ДОМ С ОТКРЫТЫМ ОКНОМ УДИВИТЕЛЬНОЕ ПОВЕСТИОВАНИЕ РОБЕРТА ХОЛТА

ГЛАВА 1. СНАРУЖИ

— Мест нет! Все занято!

И мужчина захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

Это был последний, сокрушительный удар.

Скитаться целый день в поисках работы, умоляя дать мне возможность добыть хотя бы гроши, на которые можно было бы купить какой-нибудь еды, и все понапрасну, — тяжелое испытание. Но, будучи морально убитым и физически изможденным, измученным голодом и усталостью, забыть об остатках гордости, которые у меня еще сохранились, попросить, как бездомный бродяга (а именно им я и был), остановиться в ночлежке и тоже получить отказ — было еще хуже. Гораздо хуже. Это было едва ли не самое неприятное, что могло со мной произойти.

Я тупо уставился на дверь, которая только что с треском захлопнулась прямо передо мной. Мне трудно было поверить в то, что такое возможно. Впрочем, я никак не ждал и того, что стану бездомным. Но, все же допуская хотя бы теоретически такую возможность,

я не мог представить, что мне откажут еще и в доступе в ночлежку, пристанище всех падших, — нет, осознать подобное я был просто не в состоянии. Это означало, что в своем падении я достиг такого дна, которое не могло присниться мне даже в кошмарах.

Я продолжал в оцепенении стоять перед дверью, не понимая, что мне делать дальше, когда из тени, отбрасываемой стеной здания, вышел сгорбленный мужчина и приблизился ко мне.

— Что, не пустили?

— Он сказал, что мест нет.

— Значит, этот тип сказал, что все занято, верно? Ну да, в Фулхэме вечно так говорят. Они хотят, чтобы бездомных было как бы поменьше.

Я взглянул на мужчину с недоверием. Он сильно сутулился, так что его голова заметно выступала вперед над плечами. Руки он держал в карманах брюк, вернее, того, что когда-то было брюками: одет он был в какое-то тряпье. Его низкий голос звучал хрипло.

— Вы хотите сказать, что они говорят, что ночлежка заполнена до отказа, хотя это не так? То есть меня не пускают, но на самом деле места внутри есть?

— Так и есть. Этот мужик тебя надул.

— Но если места у них есть, разве они не обязаны меня пустить?

— Конечно, обязаны. И, черт возьми, если бы я был на твоем месте, я бы заставил их это сделать, будь я проклят.

Произнеся это, незнакомец разразился страшными ругательствами.

— Но что же мне делать? — поинтересовался я, когда он умолк.

— Как — что? Задай им жару. Пусть знают, что ты не из тех, кого можно обвести вокруг пальца.

Я заколебался. Затем, решив последовать совету незнакомца, снова нажал на кнопку звонка. Дверь тут же широко распахнулась, и седой нищий, тот самый, с которым я уже имел дело, возник передо мной на пороге. В его голосе, когда он заговорил со мной, звучало такое презрение, словно он был как минимум председателем попечительского совета того благотворительного заведения, в которое я пытался попасть.

— Ты опять здесь! Ну и чего ты добиваешься? Думаешь, мне больше делать нечего, кроме как точить лясы с такими, как ты?

— Я хочу, чтобы меня пустили и дали ночлег.

— Никто тебя сюда не пустит.

— Тогда я хочу видеть кого-то из администрации.

— А я тебе что — не администрация?

— Мне нужен кто-то, кроме вас, — я хочу поговорить с хозяином.

— Об этом даже не мечтай!

Мой собеседник хотел уже закрыть дверь, но я был настороже и успел выставить ногу таким образом, чтобы помешать ему это сделать. Затем я заговорил снова:

— Так вы уверены, что здесь нет свободных мест?

— Последнее заняли два часа назад!

— И что же мне делать?

— А я почему знаю!

— Скажите, где находится какая-нибудь другая ночлежка — ближайшая к этой?

— В Кенсингтоне.

Перед тем как ответить, он потянул дверь на себя, а затем, резко выбросив вперед руку, сильным толчком отбросил меня от порога. Прежде чем я успел прийти в себя, дверь снова захлопнулась. Человек

в тряпье, который с мрачным видом наблюдал за всей этой сценой, снова подал голос.

— Ну и тип, верно?

— Он ведь просто нищий. Какое он имеет право вести себя так, словно является представителем власти или администрации заведения?

— Я тебе так скажу — некоторые нищие куда хуже начальников. Намного хуже, верно говорю! Думают, что они в ночлежках хозяева, да-да, будь я проклят. Этот мир — то еще местечко, вот так-то!

Мужчина замолчал. Я продолжал стоять на месте в нерешительности. Еще некоторое время назад мне показалось, что собирается дождь. Теперь же он понемногу начал моросить — мелкий, но неприятный, он постепенно пропитывал водой одежду. Я подумал, что для полного счастья мне не хватало только этого. Между тем незнакомец в лохмотьях разглядывал меня с мрачным любопытством.

— А денег у тебя совсем нет? — поинтересовался он.

— Ни фартинга.

— Давно скитаешься?

— В ночлежке до этого не бывал ни разу — и, похоже, пробиться в эту мне не светит.

— Просто мне показалось, что у тебя такой вид, будто ты из свеженьких. Что собираешься делать?

— А Кенсингтон далеко?

— Ты про тамошнюю ночлежку? Отсюда мили три будет. Но, будь я на твоём месте, я бы попытал счастья в Сент-Джордже.

— А где это?

— На Фулхэм-роуд. В Кенсингтоне ночлежка маленькая, так что тебе вряд ли повезет — она заполня-

ется, как только ее отпирают. Так что в Сент-Джордже у тебя будет больше шансов.

Мужчина замолчал. Я немного поразмыслил над его словами и понял, что у меня нет ни сил, ни желания испытывать удачу в другом месте — где бы то ни было. Тем временем мой собеседник заговорил снова:

— Я сегодня иду пешком от самого Рединга — все на свете обошел, все места. И здесь, в Хаммерсмите, я отдохну — хотя бы на соломенном тюфяке. Я черт знает сколько миль протопал, все ноги сбил и далеко забрел. Это хорошая страна — нет, правда, замечательная. Чтоб она вся провалилась под воду и утонула, черт бы ее побрал. Да только я отсюда больше никуда не пойду. Я добьюсь места на койке в Хаммерсмите, будь я проклят.

— И как вы собираетесь это сделать? У вас что, есть деньги?

— Деньги? Ну ты спросил. Я что, выгляжу как человек, у которого могут быть деньги? Да за последние шесть месяцев я всего несколько раз держал в руках какие-то жалкие медяки.

— Ну и как же вы тогда собираетесь раздобыть место на койке?

— Ты спрашиваешь — как? А вот так. — С этими словами мужчина поднял с земли два камня — по одному в каждой руке. Тот, что сжимал в левой, он швырнул в стекло в верхней части входной двери ночлежки. Стекло со звоном разлетелось на осколки, камень влетел внутрь помещения и разбил еще и лампу, подвешенную к потолку. — Вот так я намерен заполучить койку.

Дверь снова распахнулась, и на пороге возник все тот же седой нищий.

— Кто это сделал? — выкрикнул он, пытаюсь разглядеть нас в темноте. — Эй, кто это натворил?

— Это я, начальник, — ответил мой незнакомец, одетый в рванье. — И, если хочешь, могу швырнуть еще один камушек. Может, от этого у тебя в глазах прояснится.

Прежде чем седовласый нищий успел как-либо отреагировать на его слова, мужчина правой рукой запустил другим камнем в одно из окон. Я почувствовал, что мне самое время ретироваться. Мой собеседник, похоже, собирался устроиться на ночлег, заплатив цену, которую я, даже в моем отчаянном положении, платить был не готов.

Когда я бросился прочь, у входа в ночлежку появились еще двое или трое, и мужчина в отрепьях заговорил с ними с той степенью откровенности, которая не оставляла сомнений в том, какую именно цель он преследует. Мне же удалось ускользнуть незамеченным. Но, не успев удалиться на более или менее существенное расстояние, я вдруг пришел к выводу, что мне имеет смысл последовать примеру моего более решительного товарища и тоже разбить окно. Однако, споткнувшись несколько раз на ходу, я в конце концов так и не решился это сделать.

Человеку в моем положении трудно было представить себе более неподходящую ночь для продолжения пешего путешествия. Моросящий дождь был настолько мелким, что напоминал туман. По этой причине я не только промок до нитки, но и почти ничего не видел — ориентироваться на местности было очень сложно. К тому же вокруг почти не было освещения. Плюс ко всему в местах, куда я забрел, мне раньше бывать не приходилось. В Хаммерсмите я оказался потому, что он был моей последней

надеждой. Я пытался найти хоть какую-то работу, которая позволила бы мне сводить концы с концами, практически во всех районах Лондона — оставался только Хаммерсмит. Но здесь меня даже в ночлежку не пустили!

Удаляясь от негостеприимного благотворительного заведения, я при первой же возможности повернул налево — в тот момент меня порадовала эта смена направления движения. В темноте, под дождем, мне показалось, что местность, которая понемногу открывалась передо мной, имеет какой-то странный, незавершенный вид. У меня возникло ощущение, словно я оставляю за спиной современную цивилизацию. Тропинка под моими ногами была незаасфальтированной и такой неровной, словно никому никогда даже в голову не приходило, что ее следовало бы привести в порядок. Домов вокруг было совсем немного, и они стояли на значительном расстоянии друг от друга. Те, мимо которых я проходил, в неверном свете плохо работающих фонарей казались мне полуразрушенными, да и вся территория выглядела дикой и неухоженной.

Я не мог точно определить, где именно нахожусь. Мне, однако, почему-то думалось, что, если я буду все время идти прямо, никуда не сворачивая, то рано или поздно окажусь где-то в районе Уолхэм-Грин. Однако сколько для этого понадобится времени, я мог лишь догадываться. Мне по-прежнему казалось, что я нахожусь в каком-то безнадежно запущенном, опустошенном и приходящем в упадок краю.

Было где-то между одиннадцатью вечера и полуночью. Пока все лавки не закрылись, я не оставлял надежды найти какую-нибудь работу. Я понимал, что в любом случае в Хаммерсмите они не могли закры-

ваться рано, и потому продолжал упорно идти вперед, предаваясь невеселым размышлениям о том, что мне делать дальше. Моя попытка устроиться на ночлег объяснялась главным образом опасениями, что, если я попытаюсь провести ночь на улице, без еды, то наутро окажусь больным и ни на что не способным. Я серьезно — к дверям ночлежки меня привел прежде всего голод. Была среда, а у меня с вечера воскресенья маковой росинки во рту не было. Я только время от времени пил воду из общественных фонтанов, да еще как-то раз какой-то мужчина, сидевший на корточках под деревом в Холланд-парке, дал мне зачерствевшую корку хлеба. Таким образом, я голодал уже три дня — и практически все это время оставался на ногах. Мне казалось, что если я попытаюсь голодным идти до утра, то просто потеряю сознание — и мне придет конец. Но где и каким образом я мог раздобыть хоть какую-нибудь еду в том странном и негостеприимном месте, в котором оказался, да еще глухой ночью?

Не знаю, как долго я шел и какое расстояние преодолел. С каждым ярдом мне все труднее становилось передвигать словно налитые свинцом ноги. Я был полностью измотан — душевно и физически. У меня больше не оставалось ни сил, ни мужества. А главное, меня переполняла страшная, неведомая мне прежде тоска — она мучила настолько, что хотелось закричать. Помнится, почувствовав очередной приступ слабости и головокружения, я прислонился к какому-то частоколу. В этот момент я думал о том, как было бы хорошо, если бы ко мне пришла смерть и покончила со мной быстро и безболезненно. Я принял бы ее как друга, который пришел мне на помощь! Невыносимо мучительной была не она, а агония медленного, шаг за шагом, умирания.

Прошло несколько минут, прежде чем я пришел в себя настолько, чтобы оторваться от забора и снова двинуться вперед. Я то и дело спотыкался о какие-то неровности и выбоины проселочной дороги. В какой-то момент меня качнуло вперед, и я упал на колени. Я был настолько слаб и беспомощен, что в течение нескольких секунд пребывал в этом положении и, кажется, был готов к тому, чтобы провести на этом месте всю ночь. Должно быть, она тянулась бы долго, очень долго, целую вечность.

Поднявшись в конце концов на ноги, я прошел по дороге, должно быть, еще пару сотен ярдов, хотя мне они показались двумя милями. А затем на меня снова навалилась дурнота, причиной которой, по-видимому, был мучивший меня голод. Окончательно обессилив, я неловко задел невысокую каменную ограду, которая шла вдоль края проселка. Если бы не она, я бы, наверное, просто упал пластом. Дальше последовал приступ, аналогичный тому, какой я пережил некоторое время назад. Мне показалось, что он продолжался несколько часов, хотя на самом деле прошли, должно быть, секунды. Когда же я снова пришел в себя, у меня возникло ощущение, словно меня грубо разбудили после короткого, беспокойного забытья. И первое, что я почувствовал, была страшная боль. Помнится, я громко воскликнул:

— Господи, чего бы я сейчас только не сделал за кусок хлеба!

Я в исступлении огляделся — и увидел, что позади меня, совсем рядом, находится дом. Он был невелик и походил на те строения, которые называют коттеджами на одну семью. Они вырастают вокруг Лондона, словно грибы после дождя, и очень часто сдаются внаем по цене от двадцати пяти до сорока

фунтов в год. Домик был двухэтажный, отдельно стоящий — во всяком случае, в тусклом ночном свете я не увидел никаких других строений на расстоянии двадцати-тридцати ярдов от него. На верхнем этаже имелось три окна — на всех занавески были плотно задернуты. Входная дверь располагалась по правую сторону от меня. К ней вела устроенная в невысокой ограде небольшая деревянная калитка.

Дом располагался настолько близко к проселочной дороге, что, протянув руку через ограду, я мог коснуться любого из окон нижнего этажа. Их было два, одно из них с эркером. Оно было открыто — приподнятую центральную створку отделяло от подоконника примерно шесть дюймов.

ГЛАВА 2. ВНУТРИ

Я осмотрел дом, перед которым стоял, с почти противоестественными для меня вниманием и дотошностью и, если можно так выразиться, мысленно сфотографировал его во всех, даже самых мелких деталях. Еще совсем недавно я практически ничего не видел, теперь же мог разглядеть все, причем с поразительной остротой и ясностью.

Помимо всего прочего я, само собой, обратил внимание на приоткрытое окно. Глядя на него, я от любопытства невольно затаил дыхание. Окно было так близко от меня — совсем, совсем рядом. Вытянув руку, я вполне мог просунуть ее внутрь. Мне пришло в голову, что, если я это сделаю, на мою руку, по крайней мере, перестанет капать дождь. Как же я промок! Моя убогая одежонка буквально насквозь пропиталась водой. Я был настолько мокрым, словно только что

окунулся в реку или пруд. Меня била дрожь. А дождь между тем, казалось, все усиливался. Зубы мои выбивали дробь. Я чувствовал, что сырость разъедает меня до мозга костей.

А там, за приоткрытым окном, наверное, так тепло, так сухо!

Еще раз оглядевшись, я по-прежнему никого не увидел. Вокруг, похоже, в самом деле не было ни души. Я прислушался — и не услышал ничего, кроме шума дождя. Я был один под ночным небом, низвергающим потоки воды — единственный среди всех божьих созданий, кто не имел пристанища и возможности укрыться от льющихся сверху мириад капель. Что бы я ни сделал, этого бы никто не увидел, так что свидетелей можно было не опасаться.

Возможно, дом пустовал. Вполне вероятно, что его обитателей выселили по суду. Впрочем, как бы то ни было, мне следовало постучать в дверь, разбудить жильцов, если таковые имелись, и указать им на недосмотр — открытое окно. По идее, в этом случае они должны будут как-то отблагодарить меня за такой поступок. Но что, если в доме действительно никого нет? Какой в этом случае смысл стучать в дверь? Я тем самым просто понапрасну поднял бы шум. Впрочем, даже если хозяева и находились внутри, вполне могло получиться так, что я бы не дождался никакой благодарности. Пройдя довольно суровую жизненную школу, я хорошо усвоил, что в этом мире, как правило, на благодарность рассчитывать не приходится. Вполне могло случиться так, что окно — приглашающее, искушающее, такое удобное для проникновения внутрь дома! — просто закрыли бы, а я, промокший и промерзший, так и остался бы на улице, под дождем, голодный, без гроша в кармане,